

— Зама... что? — спросила Августина.

— Замахал, задолбал... — любезно пояснил Гарик. — Синонимический ряд большой.

— Что вы! — неожиданно для себя сказала Августина. — Вы не представляете, как мне интересно!

— А если вам интересно, значит, вам уже рассказывали про половину гаража? — радостно улыбаясь, предположил Гарик.

— Как вы догадались? — спросила несколько обескураженная Августина.

— Это мистика! — возвестил Гарик. — Между мной и двумя моими бешеными одуванчиками есть метафизическая связь... Вау, как приятно! По глазам вижу, что вы это слово слышали! Сарочка, Гуся знает, что такое метафизика!

— Так а что? — несколько обиженно сказала Циля. — Я тоже знаю! Я тоже имела образование!

Все устались на Цилю.

— Если ты его имела, куда ты его подевала? — спросила Сара.

— Цилечка, по-моему, ты учила не метафизику, а метарусский язык, на котором разговариваешь, — уточнил Гарик.

— Неправда, я учила физику! — сказала Циля. — У меня был такой золотой учитель физики, что от него все боялись, — Борис Самуилович Задрот!

Сара, очевидно, даже от своей сестры такого не ожидала.

— Циля, у тебя совесть есть? — вымолвила она. — Что ты говоришь?... Его звали Борис Самуилович Заброд!

— Нет, — убежденно возразила Циля. — Гарик говорит, что этого учителя фамилия была Задрот.

— Циля, Гарик откуда может знать? — сказала Сара. — Это же до войны еще было, его тогда не было... — До нее наконец дошло. — Гарик, как тебе не стыдно?! — поверну-

лась она к мило улыбающемуся Гарику. — Я извиняюсь, моя хорошая, у нас Гарик иногда хулиганит, — повернулась она к Августине. — Так вообще он золотой мальчик, вы не подумайте...

— Я уже ничего не думаю... — сказала Августина зачарованно.

— Нет, он правда золотой, — по инерции сказала Сара, переключаясь. — Циля, я последнее двадцать лет тебя прошу: помоги мне один раз стол накрыть!

— Гуся знает, что я золотой, — ответил Саре Гарик. — В смысле, Харлампиевна.

— Я только так и не поняла... — нерешительно сказала Августина.

— Что такое половина гаража? — спросил Гарик.

— Честно говоря, да, — сказала Августина.

— Конечно. Еще бы! — понимающе ответил Гарик. — Вы можете найти хоть одного нор-

мального человека, который поймет, что такое половина гаража?

— Наверное, нет, — сказала Августина. — А что это такое?

— На самом деле это не гараж, это парадокс любви, понимаете? — объяснил Гарик.

— Пока еще нет, — сказала Августина.

— И правильно! — сказал Гарик. — Вы же замуж столько раз, сколько мамка, не выходили. Сколько раз вы замуж выходили?

Августина возмутилась и впала в ступор. Она приготовилась сказать наглому агрессору, что это не его чертовое и собачье дело, но неожиданно для самой себя ответила:

— Один раз. Правда, не очень удачно... — И замерла, ошарашенная.

Она никогда не говорила такое никому и вдруг ляпнула это совершенно незнакомому юнцу, непонятному и беспардонному, как мясорубка.

— Тю, какая фигня! — жизнерадостно сказал Гарик. — Так у вас еще все впереди! Мамка пять раз выходила, и пока все неудачно. Ну, в случае со мной хотя бы результат все оправдывает. Тем более что я от любимого мужа, понимаете? А вот Марику не повезло, он этой половиной гаража ногу поломал, и он от нелюбимого мужа. Понимаете?

Августина почувствовала, что свихнутые гангстерские старушки и громоподобная Фаня, собиравшаяся пить чай с солеными огурцами, — это как бы только предисловие к мальчику, оперирующему понятиями и категориями, доступными разве что Эйнштейну и паци-

ентам психиатрической лечебницы.

А еще она почувствовала, что ей это все не то чтобы уж точно нравится, но как-то будоражит, завораживает и не дает оторваться. Это как вдруг увидеть в обычном провинциальном городке парочку птеродактилей, стоящих в очереди в каску и мирно переговаривающихся, будто так и надо. Она почувствовала, что мальчик Гарик, безмятежно глядящий на нее сквозь круглые очки, смотрит на самом деле искренне и по доброму... А то, что он сумасшедший, невоспитан и скандалит по телефону из-за какого-то парня с соперницей при незнакомых людях, почему-то совершенно естественно. И прекрасно сочетается с метафизикой. И с синонимическим рядом «заманал — замахал — задолбал». И ей стало как-то хорошо.

— Почти... — ответила она.

Гарик вздохнул и стал объяснять, причем явно привычно:

— Ну, если мой папка свалил более или менее по мирному, то с Мариковским она очень скандально расставалась. Они даже гараж поделить не могли. В конце концов разобрали и оставили себе по половине. А потом какой-то поц мамке напел, что в Израиле дорогой металл, и если она увезет туда — в смысле, сюда — эту половину гаража, она там, то есть тут, будет с этого иметь бабла...

— Бабла?.. — переспросила Августина.

(Здесь надо сказать, что это очень утонченно, когда воздушные учительницы музыки произносят такие слова.)

— В смысле, дорого продаст, — разъяснил для необразованных Гарик. — И когда мы сюда ехали, мамка за государственный счет заявила, что это ее мебель, и привезла сюда эту половину гаража. Когда мы грузились там, я на пианино играл, мне руки беречь надо было. А Марик был спортсмен, и он грузил эту половину гаража, а она на него упала, на ногу, и теперь он, бедный, не бегает, а сидит дома и бухает, как поц. Или с кентами бухает. А все кенты — поцы. Представляете?!

Августина ничего не поняла, кроме глупой судьбы какого-то Марика, за которой, по контексту, должна была вступить жалостливая блатная песня. Но, как воспитанный человек, сказала:

— Какой ужас! Я сочувствую...

— Знаете, Гусечка, — наклонился к ней Гарик доверительно, — между нами, будет гораздо лучше, если вы ему будете сочувствовать лично. Он вообще нормальный, с ним вполне можно говорить, если он трезвый...

Раздался очередной шум и грохот. Августина привычно взглянула на дверь, но на сей раз никакой дерущейся гранд-дамы там не возникло. Цепляясь за стенки, в гостиную ввалился молодой человек с прядью, налипшей на лоб. Августина поняла, что он совершенно пьян, но никак не успела этот факт оценить. Вошедший человек поднял глаза, и у нее захолонуло сердце от того, что глаза эти были совершенно детские. И еще оттого, что она увидела в них огромное, невыразимое страдание. Не из-за чего-то

одного и сегодня — а вообще; за немногие, но почему-то долгие годы. Если бы пришелец был не так пьян, он, конечно, прятал бы это. Но тут уже скрыть нельзя было ничего.

— Ой, блин... ну не такой, как сейчас... короче, — торопливо сказал Гарик. — Марик, скотобаза, — заговорил он тихо, но зло. — Где ты днем так навтыкался, что за херня? — И, оглянувшись на Августина, поправился: — В смысле хрень!

— А... мэ... мы... — начал было отвечать, но затруднился Марик.

— Да это новые местоимения, я понял, — сказал Гарик с досадой. — Иди уже, отдыхай!

— Ой, Марик, боже мой, что ты опять такой! — расстроилась Сара. — Разве можно вино пить, когда на улице такая жара!

Романтичный, грязноватый и пьяный Марик всмотрелся тем временем в Августина. Он начал что-то соображать, поднес ладонь ко рту и тихо промолвил:

— Ой, мля... ка... какой кошмар!

— Со мной что-то не так?! — испугалась Августина.

— Нет, это, в смысле, он так себя неловко чувствует, — обиженно ответил Гарик.

— Он как выпьет, на каком языке разговаривает, на ихнем местном? — вклинилась в бе-

седу Циля. — Он, после того, как сюда приехал, и пьяный, так я его не понимаю!

— У... еп-тыть! — сказал тем временем Марик, явно придя к каким-то новым выводам насчет неожиданной гостьи.

— Я что-то не то делаю? — спросила Августина, все более крепнущая в уверенности, что, как и всю жизнь, все дело в ней.

Ей от волнения даже показалось, что увидеть пьяного Марика было с ее стороны верхом бестактности и она что-то там... ну, в общем, опять все испортила.

Продолжение следует.

Израиль

